

18+

Евгений Махина

Репродукция

Сборник рассказов

Евгений Махина

Репродукция. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Махина Е.

Репродукция. Сборник рассказов / Е. Махина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695766-4

Сборник рассказов. Во время глубоководных работ выясняется, почему инопланетяне до сих пор не вступили в контакт с людьми. В провинциальном ТЦ из воздуха материализуется гость из другого мира. Сотрудница крупной компании приходит в себя на полу кабинета в опустевшем здании. Курьер доставляет заказ в квартиру, где живут нелюди. Призрак предпринимателя оказывается на собственных похоронах. Став цифровой сущностью, врач находит ответ на главный вопрос о природе человека.

ISBN 978-5-00-695766-4

© Махина Е.

© Издательские решения

Содержание

Сотрудник года	6
Заказ доставлен	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Репродукция Сборник рассказов

Евгений Махина

*Все события, организации и персонажи являются вымышленными.
Любые совпадения случайны.*

*Редактор Ольга Рыбина
Корректор Анна Асонова
Корректор Екатерина Рогова*

© Евгений Махина, 2026

ISBN 978-5-0069-5766-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сотрудник года

С трудом разлепив глаза, Екатерина не сразу поняла, где находится. Первым делом она посмотрела на потолок, и это явно был не потолок ее квартиры. Тот же цвет, но вместо дизайнерской люстры висели две вытянутые прямоугольные лампы. Две очень знакомые лампы. Екатерина пришла в себя на полу своего кабинета. Вокруг нее были разбросаны бумаги. Горшок с декоративным растением, название которого она за все три года работы в этом кабинете так и не потрудилась узнать, перевернут. Земля высыпалась на пол. На расстоянии вытянутой руки стояла открытая полупустая бутылка виски. В дальнем углу валялась еще одна такая же бутылка. Пустая.

Екатерина ухватила за край своего рабочего стола, чтобы помочь себе встать. На столешнице ничего не было. Те немногие предметы, которые Екатерина все же оставила у себя на столе после прочтения книги об эргономике и искусстве минимализма несколько месяцев назад, теперь были разбросаны по полу.

Она принялась пальцами массировать пространство между бровями. Мысли вязли. Как и вчера вечером, Екатерине вновь захотелось заорать, но горло заныло от одной только мысли об этом. Вчера она, похоже, сорвала голос.

Екатерина вышла в коридор офисного здания. Он пустовал. Не было слышно ни разговоров у кофе-машины, ни шума копировального аппарата, ни цоканья каблучков, столь любимых более молодыми сотрудницами.

Держась за стену, Екатерина доковыляла до туалета. Посмотрев в зеркало, она увидела не себя, а какое-то подобие себя. Дешевую копию. Ее дорогой брючный костюм известного бренда теперь казался ширпотребом с какого-нибудь маркетплейса, потерявшим товарный вид после множества небрежных примерок в пунктах выдачи заказов. Волосы Екатерины были взъерошены, косметика размазана по всему лицу. Серьга из левого уха куда-то пропала.

Она сложила ладони, набрала воды, а затем плеснула ее себе на лицо. Стало немного легче. Пары секунд переключения внимания на телесные ощущения оказалось достаточно, чтобы она на мгновение забыла о дне вчерашнем.

Облегчение было недолгим. Если проделать дыру в обшивке подводной лодки, то вся вода из окружающего ее океана будет стремиться внутрь. Екатерина чувствовала себя подводной лодкой с рядом пробоин в корпусе. Как бы она ни пыталась изолировать поврежденные отсеки, вода все равно продолжала просачиваться. Воспоминания о вчерашнем дне заполняли ее, утягивая на дно. У любой подводной лодки есть предел – глубина, на которой ее корпус попросту схлопнется. У Екатерины тоже был свой предел.

Ее стошнило. Она упала на колени и извергла остатки вчерашнего бизнес-ланча на пол. Через несколько минут все закончилось. Она подтянулась к раковине. Кран был еще открыт. Женщина отклонила струю рукой, нагнулась и сделала несколько осторожных глотков. Вода не попросилась назад. Она прополоскала рот и покинула уборную.

Вернувшись в свой кабинет, Екатерина осмотрела пол в поисках телефона. Его нигде не было видно. Тогда она принялась раздвигать ногами валяющиеся на полу бумаги. Айфон обнаружился под приказом генерального директора об объединении двух отделов с последующим сокращением трех штатных единиц. Батарея телефона была заряжена на тридцать два процента.

Брови Екатерины медленно поползли вверх, когда она увидела, что телефон все еще был подключен к сотовой сети. Женщина поспешно открыла список контактов. У большинства из них рядом с именем и фамилией стояло название должности: «Алексей Звонарев Снабжение», «Светлана Николаева Бухгалтерия» и так далее. Екатерина вбила в поиск фамилию

«Терехов». Олег Терехов. У него не было отметки с должностью. Ее палец кружил над кнопкой «Позвонить», как пчела, которая кружит над клумбой с цветами.

Пошли гудки. Каждый из них ощущался как удар гаечным ключом по батарее отопления. Ее голова раскалывалась. Она переключила мобильный в режим громкой связи. Екатерина начала шарить в ящиках стола в поисках обезболивающего. Она давно завела традицию держать упаковку таблеток у себя в кабинете, ведь от стресса у нее частенько начинала болеть голова. А стрессов у Екатерины было с избытком. На фоне вчерашнего, конечно, они все выглядели какими-то пустяками. Слушая гудки, Екатерина не могла отделаться от мысли о том, насколько мелочными были старые переживания. Стыдить себя за это она не стала. Человек она, в конце концов, или нет? А людям свойственно принимать всякую хрень близко к сердцу. Найдя упаковку с обезболивающим под сертификатом с тренинга «Публичные выступления от „А“ до „Я“», Екатерина выдавила таблетку себе в ладонь. Подумав секунду или две, выдавила еще одну.

Гудки в телефоне сменились фразой «Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позднее». Екатерина закинула таблетки в рот. Она осмотрелась в поисках чего-то, чем можно было бы их запить. Кроме той самой полупустой бутылки виски в кабинете ничего не было. Ну уж нет. Пришлось глотать так.

Облизав губы, женщина открыла мессенджер и начала записывать Олегу аудиосообщение. Говорить Екатерине оказалось довольно тяжело. Больное горло давало о себе знать.

– Олег, привет. Прости, что я вот так вот, без предупреждения. Не могу до тебя дозвониться. Ты, наверное, занят. Надеюсь, голосовые сообщения еще доходят. Слушай, я... Ты уже решил, как сегодня?.. Я тут подумала... не хочешь встретиться? Ну а вдруг? Ты не подумай, я тебе не навязываюсь. Ты тогда все доступно объяснил. Просто... вдруг ты... Надо было еще вчера тебе позвонить. В общем, если что, ты мне просто скажи, где ты, хорошо? Я тут, в центре. Так и заночевала в офисе. Если ты тоже не где-нибудь за городом сейчас, то я, думаю, успею до тебя добраться. В общем, перезвони мне, хорошо? Или аудио запиши. Или просто текстом. Жду ответа.

Екатерина почувствовала давление в пазухах под глазами. Подкатывали слезы.

Она положила голову на стол. Ощущения от касания лбом холодной столешницы казались приятными. Головная боль притупилась. Екатерина несколько минут просидела в ожидании ответа от Олега. Все это время она разглядывала разбросанные по полу предметы: органайзер для документов, маркер, книгу «Семь навыков высокоэффективных людей», наградной диплом «Сотрудник года».

Так, стоп.

Екатерина опустила на колени и залезла под стол, чтобы достать сертификат. К его оборотной стороне была приклеена записка: «Вы же завтра с Виктором Григорьевичем встречаетесь – пожалуйста, попросите его подпись поставить. Все никак поймать его не можем, а вручать послезавтра. Лена».

– Ах да, Сергей Кузнецов. Ну конечно, – сказала она вслух, словно бы обращаясь к указанному в дипломе сотруднику. – Поздравляю, че.

Екатерина села на свой стул. Порывшись в списке контактов, нашла контакт Кузнецова. Попыталась дозвониться. Безуспешно. Екатерина записала ему аудиосообщение: «Сергей, поднимитесь ко мне в кабинет. Напомню, что нет приказа Виктора Григорьевича, который бы объявлял сегодняшний день выходным. Как и все остальные, вы сегодня должны быть на рабочем месте».

Отправив сообщение, Екатерина вернулась в чат с Олегом. Три палочки в верхнем правом углу экрана телефона исчезли. Сигнал пропал. Чувство бессилия и обреченности жгло все внутри нее. Сорвавшись, она швырнула телефон в стену. Слезы потекли ручьем. Женщина закрыла лицо руками, сползла на пол, свернувшись в позу эмбриона и заревела.

Вскоре Екатерина почувствовала себя обезвоженной, но не из-за алкогольного угара прошлой ночью и не из-за приступа рвоты сегодня днем. Ей показалось, что она выплакала всю влагу из организма. Екатерина почувствовала себя очень... пустой. Во всех смыслах. Ей неожиданно легчало. Женщина сама удивилась такой резкой смене настроения. Слезы словно бы вымыли все те мысли, что гнили у нее в голове.

Екатерина обыскала пол в поисках корректора. Особо не беспокоясь об аккуратности, она широкими мазками закрасила имя указанного в наградном дипломе сотрудника. Вместо «Сергей Кузнецов» там теперь красовалась большая овальная клякса. Подождав, когда корректор высохнет, она вписала свое имя в сертификат большими печатными буквами. В нижней части сертификата было место для подписи Виктора Шабалина – генерального директора компании. Ухмыльнувшись, Екатерина подписала сертификат вместо него. Крестиком.

– Вот. Другое дело, – вслух рассудила она.

Вернув валявшийся на полу макбук на стол, Екатерина подключила его к зарядному устройству. Интернет уже не работал, но в памяти ноутбука у нее хранилась обширная медиатека с ее любимыми треками. Первым заиграл трек «Никаких больше вечеринок» группы Cream Soda.

Екатерина взяла наградной диплом в левую руку, а правой подняла с пола бутылку виски. Она начала танцевать. Чем дольше она танцевала, тем больше она забывалась. Стоило хотя бы одной мысли о грядущем просочиться в ее сознание, как она тут же наращивала амплитуду движений, словно бы мысли были мухами, от которых в буквальном смысле можно было отмахнуться.

Из трансового состояния ее вывел стук в дверь. Екатерина вздрогнула, уронив бутылку. Она, на удивление, не разбилась. На полу стала образовываться лужа. Вытекающий из бутылки алкоголь начал пропитывать валяющиеся повсюду бумаги.

Дверь медленно отворил мужчина. Лет шестидесяти на вид. Низкорослый, полноватый. Волосы на его голове были взлохмачены, но седые усы выглядели аккуратно подстриженными. На мужчине была форма охранника. Лоб его был покрыт потом. Неизвестный тяжело дышал. Он слегка наклонился, чтобы в комнате оказалась только его голова. Мужчина походил на пациента государственной больницы, заглянувшего в кабинет главврача «что-то спросить». По идее, за его спиной кто-то сейчас должен был бы начать причитать что-то в стиле: «Куда без очереди?!» Но никого за спиной у мужчины не было.

– Здравсьте.

– Ась?! – крикнул ей в ответ неизвестный. Играющая музыка звучала громче сорванного голоса Екатерины.

Женщина осторожно вышла из угла, не сводя глаз с вошедшего. Она подошла к ноутбуку и захлопнула его. Музыка перестала играть.

– Здравствуйте.

– Здравсьте-здравсьте, – ответил незнакомец, тепло ей улыбнувшись. Мужчина вошел в комнату. Екатерина увидела, что в руке у него была резиновая дубинка. Отследив направление ее взгляда, неизвестный отложил дубинку на тумбу и медленно поднял обе руки в примирительном жесте.

– Тише-тише, – сказал мужчина, вновь улыбнувшись. – Я тебя не обижу. Ничего такого, ты не подумай.

Екатерина не нашла, что ему ответить. Ее руки все еще тряслись. Она судорожно пыталась вспомнить, видела ли она его хоть раз на проходной. Кажется, что нет. Быть может, это охранник из соседнего бизнес-центра? У них работала субподрядная организация, поэтому она никогда не занималась подбором персонала на эту должность. Проходя через турникет, она никогда не бросала взор на охранников, которых, если честно, в глубине души Екатерина

всегда считала какими-то неудачниками. Этот мужчина мог работать здесь второй день, а мог работать второй год.

– Это самое, а ты чего тут делаешь вообще?

– В каком смысле? – удивилась Екатерина. Вопрос застал ее врасплох. – Это вообще-то мой кабинет.

– Да я не об этом, – мужчина почесал затылок. – Меня Геннадий, кстати, зовут. Можно просто Гена. – Екатерина заметила, что он шурится в попытке разглядеть содержание наградного диплома, который она все еще держала. – Музыку твою услышал. А я-то думал, что один остался. Вечером тут еще шатались всякие полоумные, – взгляд Геннадия упал на отложенную в сторону дубинку, – но ночью в здании все стихло. Вечером слышал, что кто-то орал, но так и не понял, на каком этаже и в каком конкретно кабинете. Ты, что ли, орала?

Екатерина виновато отвела взгляд.

– Это самое, так ты чего тут? – продолжил Геннадий.

– А вы? – она скрестила руки на груди. – Почему не дома? Или где-нибудь еще?

– Я в Подмосковье живу, – сказал мужчина. В его голосе не было расстройства или сожаления. Он просто констатировал факт. – Электрички не ходят, а дороги, думаю, забиты. Там же вчера после обращения Президента сущий ад, поди, начался. Так что даже будь у меня своя машина... Хотя какой смысл куда-то ехать? Он же ясно выразился. Хотя зря это он.

– Почему?

– Одно из двух. Надо было либо пораньше всех предупредить. Ну, когда они там, у себя наверху, узнали обо всем. Когда поняли, что нам всем хана. Чтобы люди успели до близких добраться, какие-то итоги подвести, не знаю. Или надо было уже вообще никому не говорить. Чтобы вот так хлоп – и все. Чтобы от ожидания никто не мучился, как сейчас. Но ведь нет – им надо, чтобы ни туда ни сюда: и жизни никому спокойной нет, и сделать ничего толком не успеешь. Мне вот домой теперь только если пешком. Мне такой марш-бросок не по силам уже. Годы берут свое, – добавил Геннадий. – В общем, я прикинул, что проще тут остаться.

– Мне жаль.

– Правда? Ой, да брось. – Геннадий подошел к окну и подставил лицо под проникающие в кабинет солнечные лучи.

– Ну, вы же могли бы... там.

– Нет. – Геннадий тяжело вздохнул. – Жену я давно похоронил. Сын в Питере живет. До Питера сейчас как до Луны. Мне что тут, что дома... Один хрен. Вот я и махнул на все. Лучше уж я тут посижу. Тут спокойно, чай-кофе есть, все дела. – Геннадий повернулся спиной к окну и внимательно посмотрел на Екатерину. – Я свое пожил, мне не обидно. Вот за сына обидно. Молодой пацан ведь совсем.

Екатерине вновь захотелось заплакать. Она закрыла глаза и принялась их массировать, чтобы подавить позыв.

– Я вообще шел по лестнице, чтобы на крышу подняться.

Геннадий вытер пот со лба рукавом.

– Так а на лифте... нет?

– Так черт его знает, когда электричество вырубится. Было бы обидно в лифте застрять и пропустить светопреставление. – Геннадий закрыл глаза и наклонил голову набок, прислушиваясь к чему-то. Она тоже это слышала. Гул. Низкий. Можно сказать, утробный. – Жаль, что этот ублюдок с другой стороны в Землю врезался, – продолжил Геннадий. – Хотел бы я посмотреть, как он в атмосферу входит. Зрелищно, поди.

– Наверное, – согласилась Екатерина. Ей было плевать на зрелищность входящего в атмосферу астероида. Ей просто тоже хотелось чем-то заполнить паузу в разговоре, чтобы не слышать этот проклятый гул.

– Американцам повезло. У них билеты в первый ряд. Они ведь отмучились уже. Ну ничего. Зато теперь можно со всей уверенностью сказать, что Россия пережила США. Пусть и совсем чуть-чуть.

Екатерина устала в пол. Она не знала, что на это ответить, хотя очень хотела что-то сказать. Она была готова говорить о чем угодно, лишь бы не слышать этот гул.

– Ну ладно я, а ты-то че тут забыла? – продолжил Геннадий. – Такая... ну, красивая, а свой последний день на работе проводишь. Ты чего не с мужем? Семья же есть у тебя?

Гул стал заметно громче. Стекла задрожали.

– А я ведь для корпоратива послезавтрашнего речь подготовила. Рассказать? – выдавила из себя Екатерина, начав всхлипывать.

– Ась? – удивленно переспросил Геннадий.

– Дорогие коллеги! – она звучала так, словно бы обращалась не к мужчине перед собой, а к большой аудитории. Даже хрипота из голоса куда-то пропала, хотя было слышно, что говорить ей все еще трудно. – Сегодня мы отмечаем день рождения нашей компании – день, когда мы вспоминаем, как все начиналось, и радуемся тому, чего мы достигли вместе. Наша компания – это не просто место работы. Это большая сплоченная семья, где каждый из нас вносит свою уникальную лепту в общее дело.

С потолка посыпалась штукатурка. Все вокруг начало дрожать. Лампы стали мерцать. Здание словно бы застонало от боли. Небо за окном стремительно краснело. Взгляды Екатерины и Геннадия встретились. Женщина бросилась к мужчине и обняла, уткнувшись лицом ему в грудь. Геннадий обнял ее. Он начал поглаживать Екатерину по волосам, прижавшись подбородком к ее макушке.

– Вместе мы преодолеваем трудности, вместе радуемся успехам, поддерживаем друг друга и растем. – Речь ее было все труднее разобрать. Одна из висящих под потолком ламп упала на пол. Стекла треснули. Екатерина еще сильнее вжалась в Геннадия. – Спасибо каждому из вас за профессионализм, энтузиазм и тепло, которые вы вкладываете в свою работу и нашу общую атмосферу. – Свет стал ослепительно ярким. Екатерина и Геннадий зажмурились. – Пусть впереди нас ждут еще большие победы и новые горизонты...

Заказ доставлен

Я был одним из тех, чье лицо вы забываете спустя считанные секунды после встречи. Я был курьером. Доставлял еду и всякие хозяйственные мелочи тем, кто считает поход в ближайший супермаркет излишней тратой своего драгоценного времени. Лень одного всегда становится источником дохода для кого-то другого.

Временами я замечал легкий налет смеси смущения и осуждения на лицах клиентов, когда те открывали мне дверь. Еще бы! Они привыкли, что подобного рода работой в основном занимаются только приезжие из, так сказать, ближнего зарубежья. Я же – коренной москвич. Внешность у меня более чем славянская. Имя тоже очень даже русское. Именно поэтому мне часто казалось, что клиенты, смотря на меня, так и хотели спросить: «Земляк, ты как докатился до жизни такой? Что с тобой не так?»

Люди в глубинке, наверное, думают, что коренные москвичи большую часть времени пинают балду, а живут за счет сдачи унаследованного от бабушки или дедушки жилья «понаехавшим». Так-то оно похоже на правду, но не в моем случае. Я не из тех, кто смог снять сливки от выигрыша в этой генетической лотерее. Не смог стать живым воплощением стереотипа. По ряду причин, которые я не буду здесь описывать, после школы я даже в техникум поступить не смог. Пришлось браться за любую работу.

Работа курьером оказалась весьма изматывающей, но я как-то очень быстро втянулся. Только нырнув в эту тему с головой, я стал по-настоящему ценить объем работы, выполняемой людьми, которых мы обычно не замечаем, считая какой-то прислужгой. Это, в конце концов, честный труд. И все эти ребята заслуживают как минимум искреннего «спасибо» каждый раз, когда они делают то, на что вам времени жалко.

Этот заказ ничем не отличался от остальных. Я забрал увесистый пакет на базе, положил его в термосумку, перепроверил адрес да зашагал к точке назначения. Мне до этого уже доводилось относить заказы в тот же дом в районе Патриков (только в другой подъезд), так что маршрут до него я знал хорошо. Это означало, что в пути не придется постоянно сверяться с картой на экране телефона.

Раз так, то по дороге взор можно было, например, направить на идущих мне навстречу людей. Особенно девушек. Их, сами понимаете, на Патриках всегда много. Мне часто кажется, будто бы они воспринимают Патрики как витрину, на которой нужно показать лучшую версию себя в надежде, что их замечет какой-нибудь богатей. Летом это их желание выгодно продать себя становится еще более заметным. Отсутствие необходимости носить теплую верхнюю одежду создает целый ряд возможностей продемонстрировать свои прелести. Такие глубокие декольте я обычно, кроме как на Патриках, нигде больше не вижу. Со мной проходящие мимо девушки никогда не встречаются взглядом, ведь для них я – всего лишь курьер. Не мужчина, а функция.

Для меня Патрики – это бесконечное дефиле куриц, желающих себя выгодно пристроить, встречающееся с таким же бесконечным парадом дорогих авто, за рулем которых сидят мажоры, высматривающие себе очередную игрушку для удовлетворения плотских желаний. Где-то между этими встречными потоками ежедневно лавировал я.

Подойдя к подъезду, я нажал на кнопку домофона с номером нужной мне квартиры. Из динамика раздался треск, который сразу же сменился типовым для домофонов в этом районе мелодичным писком, приглашающим меня войти. В этом старом панельном доме не было лифта. Усталость имеет свойство накапливаться. С такой работой быстро понимаешь, что силы нужно беречь. Поэтому я предпочитал пользоваться лифтом даже в ситуациях, когда получатель заказа жил на втором этаже. Если пренебречь этим принципом, то под конец смены ноги будут отваливаться. Я терпеть не мог дома без лифтов.

Вскоре я уже стоял у обитой потрескавшейся коричневой кожей двери. Какой-нибудь хипстер в клетчатой рубашке, с длинной бородой и со стаканчиком кофе на банановом молоке в руке мог бы сказать, что своей «винтажностью» она выгодно выделялась на фоне остальных дверей соседей. Я не хипстер. Я скажу, что эта дверь выглядела старой в плохом смысле этого слова. Такое ощущение, что кто-то просто решил не заморачиваться с ее заменой года эдак с восьмидесятого. Эту квартиру явно не купили. Ее унаследовали. Если у человека есть деньги на покупку квартиры на Патриках, то и на новую дверь деньги точно найдутся. Попади мне такое наследство в руки, я бы его продал, купил себе жилье на окраине, а вырученные деньги во что-нибудь инвестировал. В крипту, например. Слышал, что биткоин скоро под две-сти тысяч долларов стоить будет.

Из-за двери доносился приглушенный звук. Кто-то напевал успокаивающую мелодию. Она сильно походила на песню, с помощью которой убаюкивают детей. Знаете, это та, где придет серенький волчок и все такое. Мотив казался до боли знакомым и неизвестным одновременно. Распознать песню могли бы помочь слова, только в ней их не было. Женский голос просто тянул гласную «А», плавно переходящую в мычание.

Дверного звонка не было. Пришлось стучать, при этом достаточно сильно. Обивка двери приглушала звук ударов моего кулака. Звуки пения затухали постепенно, словно бы кто-то прекратил вращать рукоятку аварийной ручной sireны. Послышался детский плач, за которым последовал хаотичный и необычно громкий топот. Можно было бы подумать, что там кто-то собаку с цепи спустил, но нет – топот маленьких детских ножек было тяжело с чем-то спутать. Ребенок будто бы сорвался с места да просто стал бегать туда-сюда по квартире. Хриплый женский голос начал причитать: «Ну все-все-все, иди сюда. Хватит, милый». Выдержав паузу, женщина рявкнула: «Хватит!» Крик не был громким, но было в нем нечто такое, что ноги мои на секунду подкосились. Ее голос походил на нож, который вонзили в мякоть арбуза. Он шел насквозь, практически не встречая сопротивления. Топот сначала замедлился, а потом и вовсе стих. Плач сменился всхлипываниями. О неторопливом приближении хозяйки к двери возвестил звук шаркающих шагов.

Она не стала интересоваться, кто был по другую сторону двери. Вопросы «Кто там?» не последовало.

Засов лязгнул. Дверь резко распахнулась. От неожиданности я даже отошел на пару шагов назад. Обычно клиенты стараются лишь приоткрыть дверь ровно настолько, чтобы в зазор пролез пакет.

В проеме показалась худощавая старушка. Ее сморщенная рука продолжала держать ручку распахнутой металлической двери, которая изнутри оказалась не обита кожей, а обшита деревом. Коридор за ее спиной был погружен во тьму. Все окна в квартире, видимо, были зашторены настолько плотно, что ни один луч солнца с улицы не мог пробить себе путь внутрь жилища. Сидя в такой квартире, ты вообще не сможешь отличить день от ночи. Где-то в недрах квартиры тикали часы.

Старушка окинула меня взглядом, после чего расплылась в улыбке и слегка наклонила голову вбок, словно бы я был ее внуком, которого она безумно рада видеть после долгой разлуки. Казалось, что она вот-вот обнимет меня и поцелует в щеку. Судя по ее пожелтевшим зубам, она любила курить. Куревом при этом от нее не пахло.

– Здравствуй, – сказала старушка, словно бы решив, что разница в возрасте разрешает ей в любой ситуации вот так просто переходить на «ты».

– Здравствуйте, – промямлил я в ответ.

Пожилая женщина молча продолжила смотреть на меня. Улыбка не сходила с ее лица. Ее брови вопросительно поднялись. Я вспомнил, что ее заказ до сих пор лежал в сумке у меня за спиной. Обычно я ставлю короб на пол и достаю заказ после нажатия на кнопку звонка или стука, чтобы к моменту открытия двери быть готовым передать его. В этот же раз пение, крик,

плач ребенка и его топот сбили меня с толку, из-за чего я забыл совершить действие, которое уже считал рефлексивным.

– Да-да, сейчас, – сказал я и стал стягивать с плеча лямку.

Из-за спины хозяйки донеслись звуки возни. Сбоку от нее показалось лицо тощего бледного мальчика лет пяти, одетого в одни только синие шорты с логотипом Микки Мауса. Волосы его были взлохмачены, глаза выглядели заплаканными. Я тогда подумал, что мальчик, наверное, мирно спал под убаюкивающее пение бабушки, а мой стук в дверь его разбудил. Если и так, то все равно мне это показалось странным, ведь это младенцам свойственно начинать кричать, когда их будят. Тот мальчик выглядел достаточно взрослым, чтобы так не реагировать на внешние раздражители. Хотя, признаться, я тоже иногда хочу начать реветь по утрам, когда звонит мой будильник. Ребенок едва слышно всхлипывал и постоянно тер глаза. Он ухватился за длинную юбку бабушки, прижался к ней и уставился на меня, облизывая губы.

Казалось, что взгляд его был полон любопытства. Он словно бы изучал меня с головы до пят, как это делают на конкурсе красоты. Хозяйка положила ладонь на макушку мальчика и аккуратно отодвинула его назад, в глубь темного коридора. Запахло сырой бумагой. Поначалу мальчик не хотел отпускать юбку бабушки, но настойчивость женщины взяла верх. Силуэт ребенка растворился во тьме квартиры. Было слышно, как мальчик шмыгает носом.

Я вынул завязанный пакет с продуктами из сумки и протянул его старушке.

– Он подходит, – из глубины квартиры донесся писклявый голос мальчика.

– Что? – переспросил я, растерявшись.

– Да нет, ничего такого. Не обращай внимания, внучок, – сказала старушка и подняла руку навстречу мне. В ее желтоватых глазах что-то блеснуло. Старуха не взялась за протянутый ей пакет. Она резко подалась вперед и схватила меня за руку чуть выше запястья. Сила сжатия ее пальцев была такой, что боль отдалась даже у меня в зубах.

Мышцы ее лица расслабились. Улыбка исчезла.

Она дернула меня за руку навстречу себе. Ощущение было такое, будто бы меня приковали к ядру, которым выстрелили из пушки. Я не попятился в сторону старухи. Она дернула меня так сильно, что ноги мои оторвались от пола. Я фактически влетел в коридор ее квартиры и плюхнулся на пол, ударившись челюстью. Во рту появился вкус крови. Я попытался перевернуться. Последним, что мне удалось разглядеть, была спина старухи. Она схватила лежащую на полу термосумку, швырнула ее в квартиру и с грохотом захлопнула металлическую дверь. Окружающее пространство погрузилось в кромешную тьму.

Когда я разлепил глаза, я уже сидел на лавочке в одном из дворов недалеко от станции метро «Цветной бульвар». Дико хотелось пить. Все тело чесалось. Первым, за что зацепился мой взгляд, была стоящая у меня в ногах моя брендирующая термосумка.

Я попытался вспомнить, что предшествовало моему появлению на этой лавочке. Воспоминания выстроились в линию, но я оказался не у ее края, а где-то посередине. Сначала я вспомнил момент получения заказа, дорогу до дома, а потом... потом я вспомнил старуху: ее улыбку, прокуренные зубы, ее взгляд. Затем я вспомнил, как она схватила меня за руку. Что было потом? Потом было... ничего. Казалось, что кто-то сначала поставил фильм на паузу, а потом сразу перемотал его на одну треть вперед, лишив зрителя возможности понять сюжет.

Все попытки вспомнить произошедшее в самой квартире закончились ничем.

Я судорожно обшарил свои карманы. Телефон, кошелек, ключи от квартиры – все было на месте. На улице уже смеркалось. Я проверил время. Прошло где-то часов пять. Я открыл свою сумку. В ней было пусто.

Мне перестало хватать воздуха. Я ощупал свою голову, так как решил, что моя амнезия могла быть следствием нанесенной травмы. Быть может, у меня было сотрясение мозга или что-то в этом роде. Но голова не болела. Лишь позже, придя домой, я обнаружил единственный

след от произошедшего – синяк на правой руке. Он был ровно на том месте, за которое старуха схватила меня.

«Телефон! – подумал я. – Надо проверить телефон!»

Устройство было почти полностью разряжено. Стараясь не терять времени, я открыл журнал звонков. За последние пять часов я никому не звонил и никто не звонил мне. Я открыл приложение для курьеров. Увиденное заставило меня задрожать. Судя по приложению, все последние пять часов я активно работал. Я доставлял заказы. Успел заработать неплохую сумму. Но как? Как я мог работать, если был в беспамятстве? Как я приходил на базу забирать заказы? Как я отдавал заказы? Что видели клиенты, открывая мне дверь? Я говорил с клиентами? Что я им говорил? А что они мне отвечали?

Я попытался успокоить себя. Если бы я вел себя неадекватно, то это бы быстро вскрылось. Никто сегодня не ставил мне негативных оценок. Даже наоборот – я успел заработать несколько пятизвездочных отзывов. Но как такое возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.